

Такая уж у него натура — эта полосатая кошка мастерски умеет строить из себя невинную жертву, прямо как Инь Вэй.

— Я хочу грушу! Очисти мне!

Цзянь Иянь лишь тяжело вздохнул.

Когда он закончил чистить фрукт, Инь Вэй заупрямился и потребовал, чтобы тот покормил его с рук. Он подался вперед, приоткрыв алые губы, а в глазах блеснула лукавая искорка.

Однако Цзянь Иянь, будучи прямолинейным и неотесанным парнем, просто схватил кусочек груши и бесцеремонно запихнул ему в рот.

— М-м-м!

Инь Вэй, решив отомстить, резко ухватил Цзянь Ияня за ворот халата и притянул к себе.

— Поделим пополам!

Мякоть фрукта оказалась во рту у Цзянь Ияня, их лица сблизились настолько, что горячее дыхание смешалось в одно целое.

Цзянь Иянь мысленно закатил глаза, а Инь Вэй без умолку смеялся.

Впрочем, как бы они ни дурачились, сначала нужно было закончить с государственными бумагами. Полосатая кошка уютно свернулась калачиком на его коленях, довольно мурлыча.

— Ваше Высочество, вы и правда очень любите кошек, — первым заговорил Цзянь Иянь, чтобы хоть как-то поддержать беседу.

Только Инь Вэй мог додуматься завести целый дворец кошек — в наше время зал Июань превратился бы в грандиозное императорское котокафе.

Инь Вэй помолчал, отложив кисть.

— Когда я был маленьким, в доме было полно крыс, они воровали наше зерно, — он обнял Цзянь Ияня за руку и прислонился головой к его плечу, выглядя одновременно расслабленным и бесконечно одиноким. — Ничего не поделаешь, урожай был слишком хорош... вот и завели несколько кошек. А потом понял... что мне нравятся эти маленькие существа.

Почувствовав настроение в его словах, Цзянь Иянь не нашелся что ответить и просто позволил

ему прижаться к себе, слушая дальше.

— Паршивец, неужели у тебя есть ко мне какая-то просьба? — Инь Вэй усмехнулся, заметив, что сегодня Цзянь Иянь ведет себя непривычно активно.

Раньше этот зануда и слова лишнего не проронил бы.

— Я... — Цзянь Иянь решил идти до конца и выложил всё как на духу.

Он хотел покинуть клан Цзянь, и чем скорее, тем лучше.

Инь Вэй приподнял бровь, собираясь что-то спросить, но вдруг заметил Вэнь Шидао, входящего в зал, и его лицо мгновенно побледнело.

Цзянь Иянь обернулся, увидев Вэнь Шидао, и его сердце невольно сжалось от тревоги.

Кто бы мог подумать, что Инь Вэй испугается еще больше: он так сильно сжал руку Цзянь Ияня, что тот поморщился от боли.

Холодный взгляд Вэнь Шидао скользнул по ним обоим и задержался на их сцепленных руках.

Инь Вэй крепко вцепился в предплечье Цзянь Ияня, весь подобрался, став похожим на натянутую струну. Он боялся, что Вэнь Шидао снова применит свои методы и заберет Цзянь Ияня прочь.

— Ваше Высочество уже закончили с докладами?

Вэнь Шидао произнес это сухо, но в голосе отчетливо слышались предупреждение и угроза.

Инь Вэй закусил губу, ведя внутреннюю борьбу, а лицо Вэнь Шидао становилось всё мрачнее. В конце концов, Инь Вэй сдался: с неохотой разжал пальцы и отодвинулся подальше.

— ...

Цзянь Иянь видел это тонкое противостояние между ними.

Вспоминая события оригинала, где Вэнь Шидао обманул Цзянь Юня, а в итоге Инь Вэй одержал полную победу, он невольно задался вопросом: не является ли Вэнь Шидао истинным кукловодом?

Возведение на престол марионеточной императрицы и наследного принца, контроль над кланом Ли, раскол клана Ван из Тайюаня, а затем удар по набирающему силу клану Сяо...

Неужели последний шаг — это захват военного контроля над пограничными гарнизонами?

Цзянь Иянь, никогда особо не интересовавшийся политикой, сейчас покрылся холодным потом. Он почти забыл, что находится в мире книги Чу Цинцы...

Система пропала, великий князь и Цзян Юнь под контролем, и непонятно, какой путь ведет к счастливому финалу. А даже если бы он был, без подтверждения Системы невозможно перейти в следующий мир. Это был тупик.

Цзянь Иянь никогда еще не чувствовал такой головной боли.

Это удушающее ощущение было точь-в-точь как при жестком контроле Чу Цинцы в прошлом.

О переезде из клана Цзянь пришлось забыть.

После смены во дворце Цифэн Цзянь Иянь возвращался вместе с Вэнь Шидао. В карете тот тихо спросил:

— Вчера Цзянь Шучи не причинил тебе вреда?

Цзянь Иянь очнулся от своих мыслей, не ожидая такого вопроса. Неужели и в клане Цзянь у него есть шпионы? Желание сбежать оттуда стало еще сильнее.

— Лишь мелкие разногласия, — ответил он сухо, не желая раздувать скандал.

— Разве из-за мелких разногласий отправляют на коленопреклонение в родовой храм?

Цзянь Иянь невольно дернул уголком рта. Вэнь Шидао знал слишком много! Он не знал, что ответить, и решил, что молчание будет лучшим выходом.

Вскоре карета остановилась. Цзянь Иянь приподнял занавеску и увидел особняк Вэнь Шидао.

...

На следующее утро.

Лу Минцзе остолбенел и подколот его:

— У тебя такой... выразительный макияж вокруг глаз. Опять всю ночь просидел за чертежами?

— Меня выжали досуха.

— ???

Цзянь Иянь потер темные круги под глазами: Я действительно опустошен.jpg

— Ты согласишься, если скажу, что всю ночь Вэнь Шидао...

— !!?

— ...экзаменовал меня по стратегии?

Лу Минцзе: Я достал семечки, чтобы смотреть это шоу! .jpg

— Продолжай.

— Педагог Вэнь Шидао, — Цзянь Иянь поднял большой палец. — В этом ином мире все такие талантливые, так красиво говорят, а вопросы задают такие глубокие и сложные, я просто в восторге.

Лу Минцзе решил, что Цзянь Иянь окончательно сошел с ума от учебы, раз несет такую чушь.

Лу Минцзе: Ох, до чего же страшен этот Вэнь Шидао.

В конце концов, не в силах больше смотреть на мучения друга, он заставил Цзянь Ияня положить голову на стол и поспать. Проснувшись, тот выглядел гораздо бодрее. У него даже появились силы снова обдумать переезд из клана Цзянь.

Цзянь Иянь выпил несколько стопок крепкого вина для храбрости, решив, что даже если он пойдет к Инь Вэю и застанет там Вэнь Шидао, он не испугается.

Лу Минцзе: Ты не боишься, что тебя вышвырнут оттуда из-за запаха перегара...

Когда Лу Минцзе закончил чертеж, Цзянь Иянь вернулся с радостной вестью. Лу Минцзе присмотрелся к его лицу и подумал: почему у этого парня столько красных пятен?

Цзянь Иянь снова начал нести бред: Оно того стоило!

В общем, дело было решено, но Лу Минцзе решил, что с психикой у Цзянь Ияня явно проблемы.

...

Цзянь Иянь съехал из клана Цзянь и поселился в другом квартале. Это был дом, оставшийся от Сяо Сыжун. Всего у Цзянь Ияня было четыре таких поместья, не считая торговых лавок, перешедших под контроль клана Цзянь, и нескольких ферм.

Лу Минцзе позеленел от зависти:

— Не ожидал, что ты в столь юном возрасте уже такой богач...

Цзянь Иянь: Ля-ля-ля-ля-ля (мозги отключились).

Лу Минцзе схватил его за плечи: Приди в себя!

...

Цзянь Иянь действительно был не в себе: на службе во дворце Цифэн он сидел не шевелясь и неотрывно смотрел на Вэнь Шидао.

Инь Вэй, который раньше не замечал ничего странного, теперь сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает ярость. Что Вэнь Шидао снова с ним сделал!

После смены Вэнь Шидао увел Цзянь Ияня, а Инь Вэй, уткнувшись лицом в стол, с красными глазами пытался подавить ненависть. Он снова и снова твердил себе, что Цзянь Иянь — собственность Вэнь Шидао, вещь, на которую он не имеет права претендовать, и теперь лишь власть может стать его спутником на всю жизнь...

Но... он не мог смириться. Почему такой человек, как Вэнь Шидао, может быть с Цзянь Иянем? Он этого не заслуживает!

...

...

— Обнаружена ошибка программы...

— Фатальная ошибка программы...

Система с остекленевшим взглядом лежала на полу, беззвучно открывая и закрывая рот, механически повторяя одну и ту же команду.

— Выполнить перезагрузку?

— Нет-нет-нет-нет~ — стоявший рядом юноша жевал леденец и невнятно пробормотал: — А этот вкус очень даже неплох!

Из плотно закрытой комнаты во дворе доносились слабые звуки.

Комната была наполнена ароматом благовоний, пологи кровати слегка покачивались. Темные волосы Вэнь Шидао касались уха Цзянь Ияня, а когда он наклонился, его сбивчивое горячее дыхание обожгло кожу.

— Что я велел тебе выучить вчера?

Цзянь Иянь мучительно нахмурился, его тело мелко дрожало, и он ответил почти машинально:

— Хань... Гуан.

Вэнь Шидао усмехнулся, медленно проходясь губами по его разбитым в кровь губам.

Ткань одежды терлась о кожу. Цзянь Иянь чувствовал боль, от которой содрогалась сама душа, но его сознание оставалось в тумане: он не помнил прошлого, не мог думать о будущем, только осознавал, как сильно болит сейчас.

Запах крови, густой, удушливый, пропитанный отчаянием, заполнил всё вокруг.

— Я хочу, чтобы ты прочел.

Когда тот человек произнес это, в голове Цзянь Ияня всплыли лишь строки одного стихотворения. Стихотворения, что впились в его сердце — о любви, которой не суждено сбыться. Но сейчас он даже не понимал толком, что значит эта «неразделенная любовь», и, заливаясь слезами, начал шептать:

— На юге — деревья высокие... нельзя отдохнуть в их тени.

Каждое слово разрывало душу, было слишком больно.

— На Хань — дева гуляет...

Какая следующая строка? Какая? Он дернулся, но его руки крепко перехватили.

— Говори.

Я не знаю... я забыл... я не знаю... — Цзянь Иянь разрыдался.

Как же больно...

— Это «нельзя догнать ее».

Цзянь Иянь чувствовал невыносимую боль, последняя фраза причинила ему невыносимые страдания.

— Нельзя... догнать ее.

— Хань — широка... нельзя переплыть ее.

— Цзянь... бесконечна, нельзя... перейти ее.

С неба начал капать мелкий дождь, его шорох заглушал слабый голос. Система была брошена во дворе, позволяя дождю пропитать всё тело.

— Фатальная ошибка программы... выполнить перезагрузку?

— Выполнить перезагрузку?

В пустых глазах отражалась плотно закрытая дверь. Юноша подошел ближе, поднимая брызги воды. Он поднял голову к небу, капли дождя стекали по его щекам. Он безумно рассмеялся, чувствуя, что стал еще на шаг ближе к успеху.

— Выполнить перезагрузку?

— Нет...

— Ха-ха-ха!!!

Этот безумец Чу Цинцы просто невероятен!!

Уже почти Новый год, кто бы мог подумать, что Цзянь Иянь так спешит съехать.

20, Дворцовые записки (восемнадцать)

Взгляд Чу Цинцы по-прежнему внушал ей страх. За обеденным столом Чу Цинцы положил каждому по куску мяса, но когда очередь дошла до Жуань Жуань, он передумал, внезапно схватил ее за подбородок и насильно запихнул мясо в рот.

Женщина вздрогнула:

— Цинцы, что ты делаешь!?

— Я сварил свинину из холодильника, кузина тоже хочет попробовать?

Жуань Жуань в страхе прижалась к женщине. Чу Цинцы с бесстрастным лицом небрежно отбросил палочки в сторону.

— Я просто хотел ее покормить.

Когда они вернулись и открыли дверь, то почувствовали странный аромат.

— Цинцы, ты готовишь?

Мальчик ростом по пояс стоял перед ними с миской тушеного мяса.

— Но он же спит.

— Дверь в комнату всегда закрыта, кролик не мог убежать внутрь.

— Это...

Женщина подняла взгляд на мужчину. Снаружи донесся истошный вопль девочки:

— Тетушка, мой кролик пропал, у-у-у, я хочу своего кролика...

За что, за что, за что!

— В комнате Цинцы еще не искали.

Плач Жуань Жуань становился всё громче.

...

В конце концов, женщина пообещала купить ей другого. Пока не стемнело, еще успеют сходить в магазин?

— Успокойся, Жуань Жуань, не плачь, тетушка поможет тебе поискать.

— Мы уже везде искали, его нет, у-у-у, хотя только что он был в клетке...

Рвотный позыв — девочку начало тошнить, словно она съела что-то крайне мерзкое.

— Жуань Жуань!

Женщина погладила ее по спине и посмотрела на пол: кусок мяса, упавший на землю, был в шерсти.

— Крольчатина вкусная? — тихо спросил стоявший рядом Чу Цинцы.

Мужчина и женщина покрылись холодным потом, с ужасом глядя на него. Чу Цинцы расхохотался, да так, что глаза прослезились. Он подошел к двери своей комнаты и распахнул ее — оттуда пахло густым, тошнотворным запахом крови. Куда ни падал свет из гостиной, везде виднелись кровавые ошметки.

...

— Доктор Чэнь, пожалуйста, посмотрите на этого ребенка... Раньше он был таким послушным, но в последнее время...

Женщина пересказала седовласому доктору всё, что произошло, и по ее взволнованному виду было понятно, как сильно она надеется, что Чу Цинцы как можно скорее начнет лечение. Чу Цинцы спокойно сидел в кресле, прикрыв глаза, и слушал эти ужасающие описания.

Доктор перевел взгляд на него, внимательно изучая красивого мальчика.

— Почему ты это сделал? — спросил он.

Чу Цинцы медленно открыл глаза, на лице сияла улыбка, но она не несла ни капли тепла.

— Потому что она не давала мне трогать ее кролика.

Если не дают — приходится брать самому.

— Но это был ее кролик.

— А я тоже хотел поиграть.

— Почему же ты его убил? Разве не лучше было бы вернуть его, когда наиграешься?

— Случайно заиграл до смерти.

Сварить и накормить ее — разве это не значит вернуть?

— Это называется жестокое убийство.

— Я не понимаю, что такое жестокое убийство, я знаю только то, что хотел поиграть.

— Что ты делал раньше, о чем не знали родители?

— Почему я должен тебе рассказывать?

Тон Чу Цинцы стал холодным.

...

— Какая грязная жажда обладания, движимая местью.

Много лет спустя, глядя на разрушенные семейные узы, он довольно хлопал в ладоши. Он советовал женщине покончить с этим как можно скорее и развестись.

— Ты даже не представляешь, насколько твой муж мерзок. Втайне он готов пресмыкаться под мужчиной, а на людях изображает с тобой неземную любовь.

Чу Цинцы рассказал ей обо всем, что видел.

— Как они это делали... прямо там. Задергивали шторы, пока тебя не было, кувыркались в твоей кровати, оставляя там то, что тебе не принадлежит. Тебя надули — ты столько лет замужем и до сих пор не знала, что он из себя представляет? Какая глупость, ха-ха-ха-ха-ха!

В последнее время Чу Цинцы часто смеялся, и женщина понимала, что он насмехается над

ней.

— Цинцы, ты правда так ненавидишь маму?

Чу Цинцы перестал улыбаться.

— Ты не можешь дать мне того, что я хочу. Ты слишком глупа, до такой степени, что это вызывает отвращение.

Женщина разрыдалась, сжимаясь от боли, и не могла вымолвить ни слова. Она никогда не думала, что всё пойдет так далеко...

После развода Чу Цинцы остался жить с отцом. Каждый раз, возвращаясь из школы, он отчетливо слышал звуки, доносившиеся из комнаты. После ухода женщины они перестали себя сдерживать.

Не дай... сыну услышать.

А он уже столько раз слышал.

Спроси его, нравится ли ему слушать?

— Мне нравится, продолжайте, — Чу Цинцы сидел на диване, болтая ногами, и с улыбкой смотрел на два сплетенных тела.

— Хи-хи, я еще не видел, чтобы так можно было...

Мужчина не мог вымолвить ни слова, закатывая глаза. Чу Цинцы посмотрел на него сверху вниз, с силой наступив ногой ему на лицо, и проговорил зловещим голосом:

— Нравится, да?

После этого тот человек застегнул ремень и в углу, где его не видел Чу Цинцы, позвонил по телефону:

— Алло, позовите еще пару человек, его сын довольно симпатичный, сразу видно — весь в папашу.

Получив ответ, он обернулся к Чу Цинцы и окинул его тело похотливым, грязным взглядом.

— Сяо Цы, подожди дядю дома с папой, ладно? Дядя скоро придет.

Чу Цинцы наклонился, обнажив ключицы, белая кожа просвечивала сквозь одежду. Те глаза, в которых уже угадывались очертания персиковых лепестков, излучали колдовскую силу.

— Хорошо, дядя, приходите поскорее.

Мужчина сглотнул слюну, мечтая немедленно наброситься и прижать его к себе.

...

Когда он привел своих людей, комната была уже полна полиции. Чу Цинцы закрыл лицо руками, из-за ладоней доносились всхлипы.

— Это они погубили моего отца.

Мужчина остолбенел, а когда опомнился, его уже прижали к полу. Никто не мог подумать, что стакан с вином, в который двенадцатилетний ребенок подмешал смертельную дозу наркотика, станет их концом.

Уродливых, мерзких людей наконец затолкали в полицейскую машину. Чу Цинцы беззвучно прошептал одними губами:

— Спасибо вам. Вы мне очень помогли. И не думайте мстить мне после выхода из тюрьмы, вы до того времени не доживете.

Чу Цинцы тихо рассмеялся: как думаете, сколько лет живут после того, как проявится ВИЧ?

...

В средней школе Чу Цинцы жил в общежитии, женщина тайно оплачивала его учебу и жизнь. Она не хотела видеть сына, но обязана была содержать его по закону.

Чу Цинцы не только учился на отлично, но и обладал яркой внешностью. Его безупречный облик с каждым годом становился всё притягательнее. Он мог быть недостижимым, ослепительным, идеалом для девушек, их белым лунным светом. А мог быть развратным, обольстительным лисом в глазах некоторых мужчин.

Мужчины и женщины так и тянулись к нему.

— Я люблю тебя, Чу Цинцы, посмотри на меня.

Чу Цинцы оборачивался и говорил им:

— Мне нравятся только мужчины.

Отсеяв женщин, он остался в окружении одних мужчин. Всё те же однообразные признания. Краснеющие, не краснеющие, наивные, зрелые — все твердили ему:

— Я люблю тебя, давай будем вместе.

Сцена из романа воплотилась в реальности. Чу Цинцы усмехнулся, сбросил с себя холодную маску, и его глаза наполнились соблазнительным блеском.

— Хорошо.

Он небрежно указал пальцем на одного из них — тот и стал его парнем. После некоторого времени платонических отношений, тот парень, покраснев, накрыл его руку своей.

<http://bllate.org/book/21581/2223654>